

Мы предлагаем читателям отрывки из последней книги Михаила Веллера «Легенды Арбата» - из раздела «На театре».

Графинчик с

В те времена очаровательный рослый мальчик Ваня Ургант еще не рекламировал молочный напиток от запоров, а был анализом из женской консультации. (Гм. Как долго бывает путь в искусство. Нет; лучше так:) В те дни, когда Андрей Ургант, его папа, не только еще не похудел, но напротив, еще не собирался толстеть и был естественно стройным и сверхъестественно выпивающим молодым человеком... но изображенный им крик горьковского Буревестника над равниной перестройки (А-А-А-А-А!!!!) все-таки не совсем театральное искусство. А мы о театре. Суть.

Когда их мама и бабушка Нина Ургант, прославленная после «Белорусского вокзала», играла в ленинградском театре Ленсовета.

И была в одном спектакле такая сцена. Ведя диалог, она наливает себе рюмку водки и лихо хлопает. Чем подчеркивается неприкаянность героини и добавляется скромного обаяния ее стойкому характеру. Вот такое сценическое решение.

В графинчике была, естественно, вода. И Нина Ургант отработанным жестом пьяницы закидывала в себя эту рюмку воды. Тихо выдыхала и с повлажневшими глазами подавала свою реплику. И залу сразу понятен ее задорный характер и беззащитная душа. Очень она выразительно эту рюмку махала. Система Станиславского.

Вы уже все поняли. Это должно было случиться раньше или позже. Добрые коллеги устали сдерживаться и налили в графинчик реальной водки. И не хочется, да нельзя упускать такой случай! И радостный актерский коллектив столпился за кулисами наблюдать поединок Мельпомены с Бахусом.

Им это казалось остроумным. Вообще голова актеру нужна, чтобы придавать выражение лицу и резонировать голосу.

Итак: сцена. Стол. Графин. Нина подносит рюмку к губам. Партнер замер и впился в нее глазами, как Цезарь Борджиа, следящий, как приглашенный кардинал сует в рот отравленный персик.

Нина бросила содержимое рюмки в пищевод и деликатно выдохнула. И с некоторым недоемием продолжала слушать обращенные к ней речи. Лицо ее выразило сомнение. Глаза поглубели. Поглубевший взгляд искал точку опоры в окружающем пространстве. Пока не остановился на знакомом графинчике.

Кивая фразам героя в знак собственным мыслям, она плеснула еще рюмку и выцедила подробно. Это было так точно, что в зале прошелестел аплодисмент.

Речь ее оживилась иронической интонацией. Она повеселела. Реплики о своей нескладной жизни она подавала с бесшабашной удалью, бравируя несчастьем и не ожидая сочувствия. Треснула третью и смачно занюхала носовым платочком.

С язвительностью неизъяснимой Нина спросила:
— Не выпьете ли и вы с одинокой женщиной? Мыча и бляя от слабой мужественности, враг ее извивался:
— Э-э-э... но здесь только одна рюмка. Хотя... охотно!
— Впрочем, мне и самой не хватит... простите!
Зал грянул. Графинчик был поллитровый. Или больше.

С мрачной боевой улыбкой недавняя жертва двинулась на несостоявшегося покровителя. Мужчина сбился с ритма. Психологическая партия роли потрясла знатоков. В поединке характеров обозначился перелом!

— Вам не идет пить! — останавливал ее циничный жуир, предлагавший только что себя в покровители.

— Да? — легко продолжала Нина свое занятие. — А кто пытался сплавить меня в кабаках? Ваше здоровье! Беззащитная женщина демонстрировала нравственное превосходство. Она была бедна, обречена, одинока — но дух ее был неуязвим. Каблуки стучали, влага булькала, голос звенел.

Напиваюсь, но не сдаюсь!

За кулисами давно перестали хихикать и выставляли вверх большой палец, как требование жизни несгибаемому гладиатору! Почему-то возникло такое представление, что Нина Ургант, чтобы показать шутникам свое превосходство над их хилым скудоумием, должна выпить весь графинчик. Держали пари.

Без закуски и без запивки. Ведя сцену, легко и непринужденно.

— П-почему вы не принесли торт? — издевалась Нина над партнером. — Кс-стат — вы обещали шампанское!..

— Магазин уже закрылся... — неумело оправдывался тот. Он стоял теперь на отбое вопросов, как манекен с теннисной ракеткой.

Спектакль сошел с рельс и замолотил сквозь алкогольную кактусовую чащу.

К концу зал видел элегантно и в лоск напившуюся женщину. Поворачиваясь, она споткнулась и упала на руки героя. Занавес покрыл чувственное объятие. Публика неистовствовала в овации. Коллеги приняла победительницу на руки. Труп Гамлета четыре капитана отнесли

в гримборную.

...Закон парных слу-
чаев срабатывает не-
укоснительно. Через
пару недель в том же
спектакле заело пос-

тельную сцену. Нина с героем падали на кровать. Это было верхом советской смелости и откровенности. Потом гас свет.

Ну, обнялись, упали. Лежат. Отчасти друг на друге. А свет не гаснет. И занавес поднят.

Зал затаил дыхание. Ну?..

Влюбленные начинают накрываться одеялом. За-
лезли. Свет горит!

Начинают изображать легкую возню. Грань приличий
нарушена непоправимо. Зал вытянул шею и привстал.

Свет горит! Это осветитель и машинист сцены от-
влеклись за выпивкой у пожарника.

— Снимите туфли, черт возьми! — раздается язви-
тельный голос Нины. — Вы всегда ложитесь в постель
обутым?

Из-под одеяла вылетают туфли.

— Вы так и собираетесь спать в галстук?

Вылетает галстук.

Эротическая тональность непоправимо переходит в
юмористическую. Все ждут вылетания интимных пред-
метов одежды. Свет горит!

— Вы не хотите погасить свет? — интересуется
Нина.

Хохот в зале.

— Может, хоть занавеску задернете? Или вы хотите,
чтоб нас видели все соседи напротив?

Зал хохочет стоя.

— У меня выключатель, кажется, сломался, — отве-
чает, наконец, влюбленный.

— Так какого черта вы приводите девушку в гости на
ночь глядя, если у вас свет не выключается? — Нина
вылезает из постели. — Хоть ванная у вас есть? Мне
нужно почистить зубы.

И уходит за кулисы убивать осветителя.

Кошка

Итак, идет лирическая комедия о любви с элемен-
тами оперетты: от сердечного трепетанья они иногда
приплясывают и поют. В остальное время выясняют
отношения, принимают позы и обсуждают совместное
построение коммунизма на дальних стройках просторов
Родины необъятной!..

А роман наших юных производителей завязыва-
ется на Юге, на черноморских пляжах, танцплощадках
и бульварах Крыма, целиком и полностью советского.
Скамейки, пальмы, набережная, и лазурное море на
холщовом заднике.

И вот влюбленные сидят на скамейке, и спор о ме-
тодах благоустройства целинных поселков на залежных
землях сближает их настолько, что они обнимаются, и
уста их готовы слиться в комсомольском поцелуе.

И тут на сцену выходит кошка. Она выходит из кулисы
к залу и гуляет вдоль ramпы. Обычная кошка, дворово-
полосатой масти, вспушив хвост трубой, с выражением
жизненного довольства шествует через сцену.

Зал, естественно, рад переключиться с этой соц-
реалистической тяготы на кошку. Молчание в
полутьме меняет сонную тональность на оживленную.
Кошка, греясь в лучах славы, выступает фасонисто.
Она подходит к скамейке и начинает обнюхивать туфлю
молодого человека.

Зал дружелюбно похмыкивает и похрюкивает. Речь
влюбленного рассеянно прерывается. В любовном объ-
яснении вспыхивают нервные ноты. Интимные подроб-
ности перестают интересовать зрителей. Кошка завер-
шает парфюм-контроль носков кавалера и, озабоченно
нюхая, ввинчивает голову девушке под юбку. Кавалер
кратко пинает кошку, вцепляя по голени подруге.

Шокированная актерским хамством кошка удаляется
гордо, продолжая променады. Зал ведет симпатичное
животное в благодарном взгляде. Все чувствуют освеже-
ние. Проснулись. Кошка их взбудорила. Тонизировала.

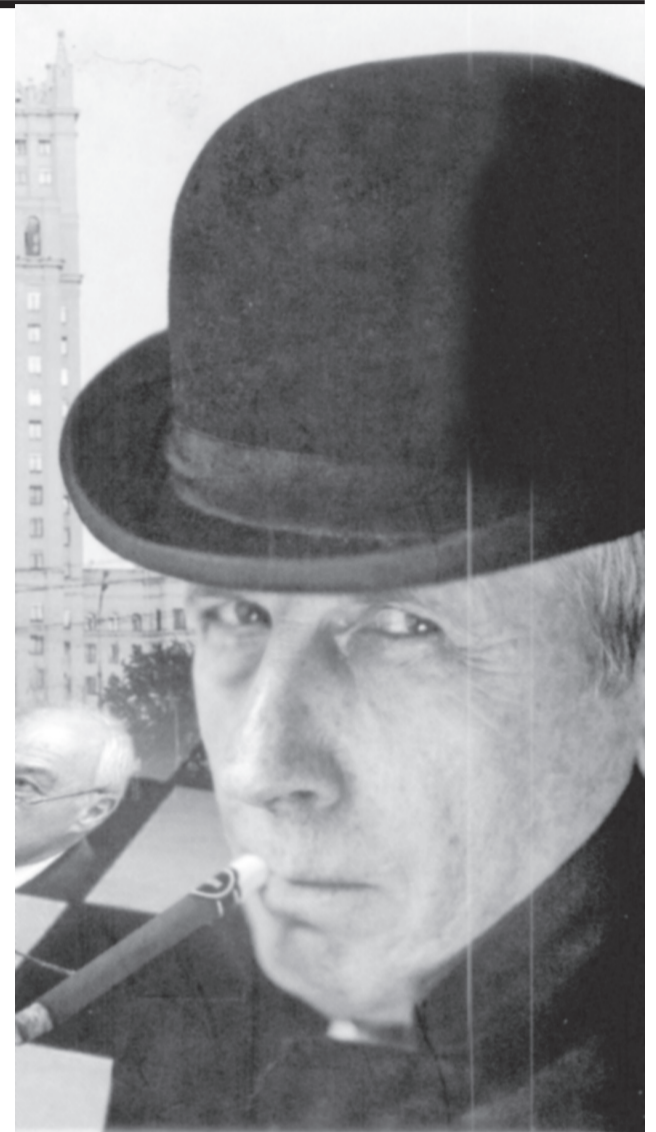
Догуляв до кулисы, кошка вдруг тормозит. Подняв
голову, она туда смотрит и прислушивается. Затем на-
чинает пятиться. Она явно передумала туда идти. Ее
оттуда, похоже, манят, а она не хочет.

Кошка разворачивается и, как прима с задранной
хвостом, идет обратно грациозным шагом. Все внимание
ей, на идиотов-влюбленных уже глубоко плевать! Пьеса
делается интересной.

Ну. Герой, сливаясь с подругой в высокоэстетичной
отретированной позе статуи Родена, клянется в любви
к невесте, партии и государству. За его спиной уютная
кошка житейски умывается. Мусолит лапку и трет мор-
дочку. Задирает наотлет, как художественная гимнастка,
заднюю лапу и вылизывает подхвостье. А над плечом
юноши, щека к щеке, объятая его страстью девушка
бессильно взирала на этот мойдодыр. Вполне кретинская
ситуация. Вся романтика кошки под хвост.

Выжав все из наведения чистоты, долгоиграющая
кошка идет в гости — лезет к юноше на колени. Он
приступил к решительному поцелую — руки заняты, рот
занят! Коленом и локтем он спихивает гадину!

Девушка закрывает глазки, открывает губки и заки-

дывает личико. Влюбленный печатает поцелуй, и кошка
сползая впускает когти ему в ляжку. Он вскрикивает
страстно, словно в оргазме от поцелуя! Зал уже рыдает
и утирает слезы!

Приклеенный к поцелую кавалер перемещает
ищущую руку с рельефа девушки на загривок кошки и
широким дискоболовским замахом посылает ее далеко
прочь, швыряя за спину скамьи.

Зал лопается, как резинка, и грохочет с подвизгами
и захлебом. За спинкой скамейки — паразит и нарисо-
ванное море.

Кошка, пущенная враждебной сильной рукой, уле-
тает по параболе, растопырив четыре лапы и хвост и
пытаясь не вращаться в воздухе. С тем исчезает далеко
за паразитом в морских волнах. Канула в пучину. Все!
Утопил к черту.

Не успели все настроиться к тому, что развлечение,
как ни было оно прекрасно и долго, закончилось, и
сейчас пьеса пойдет дальше своим чередом, — как
— прошло секунд шесть:

Из морской пучины, с негодующим воплем, крутятся и
переворачиваясь выше чаек и облаков, взлетает обратно
кошка! По баллистической дуге она летит из глубин в
небо и через паразит шлепается на скамейку обратно!

Зал умер! Потолок рухнул! Народ взревел, не веря
своему счастью!

Там внизу под сценой сидел под люком театральный
пожарный. Он сидел по долгу службы на стуле и дремал.
И вот он уютно грезил о медали «За отвагу на пожаре»
и диване с директорской секретаршей. И ему когтистое
мохнатое — на лысину! шлеп! хват! Вскинувшись в
ужасе, он отодрал гадскую тварь и злобно швырнул как
можно дальше в обратном направлении, откуда приле-
тела. А потом уже проснулся.

Вот такой запуск ракеты с подводной лодки. Летучая
кошка на радость летучим мышкам.

Вцепившись в скамейку и вздыбив шерсть, кошка
негодующе заорала, вложив в оскорбленный вопль все
свое отношение к этим хамам.

У зала уже наступил паралич дыхания. Только бес-
ильные стоны.

При звуках кошачьего мява молодой человек за-
трясся, словно внутри него было дерево, выдираемое
ураганом. Он вскочил с безумным лицом Евгения, под-
ступающего с бензопилой к Медному Всаднику. Схватил
несчастное животное за хвост и замахом из-за головы,
как гранату в фашистов, швырнул за кулисы.

Кошка улетела, надрываясь, как сирена воздушной
тревоги. За кулисами раздался стук, грюк, мат и звуки
ловли. Зал лежал под креслами, дыша в спазмах, и
ждал реанимацию.

...Когда влюбленные продолжили сцену, на них воз-
зрились с изумлением. Как на уже забытую и лишнюю
нагрузку к завершеному шедевру. И захлопали, вложив
всю полноту чувств в ритмичную овацию, пока не дали
занавес.